

А.Р.Абдрашитова

ОРЕНБУРГСКОЕ ДУХОВНОЕ МАГОМЕТАНСКОЕ СОБРАНИЕ КАК ОРГАН УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Статья посвящена эволюции ислама в Поволжье и Урале. Дана характеристика этапов исторического развития, особенности государственно-исламских отношений.

Утверждение и эволюцию ислама в Поволжье и Приуралье можно условно разбить на три исторических этапа, которые отличаются определенными особенностями государственно-исламских отношений:

Первый этап (X-XVI века) - ислам в “собственном” государстве.

Второй этап (XVI – 1917 год) – ислам в православном государстве.

Третий этап (1917 год – по настоящее время) – ислам в секуляризованном государстве.

В основе такой периодизации лежит принцип сущностной характеристики отличительных черт каждого этапа. В XVI - начале XX веков в связи с уничтожением государственности у мусульманских народов Поволжья и Приуралья ислам из господствующей конфессии трансформируется в подчиненную (“терпимую”) религию в православном государстве и, наконец, с начала XX столетия ислам, как и другие религии, полностью отделяется от государства и принимаются меры по насильственному искоренению его из общественно-политической жизни.¹ Интересующие нас хронологические рамки относятся ко второму периоду второго этапа государственно-исламских отношений. Поэтому мы рассмотрим только первый и второй этапы.

Первый этап государственно-исламских отношений охватывает три исторических периода, которые связаны с чередованием трех государственных образований на территории Поволжья и Приуралья: Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. В течение шести веков (с X- до начала XVI веков) среди народов Поволжья и Приуралья мирным путем, но довольно интенсивно распространялась одна из самых влиятельных мировых религий – ислам. Основным носителем и распространителем этой конфессии в регионе

выступили волжские булгары, которые начинали принимать ислам еще в VIII веке, благодаря тесным торговым связям с арабскими и азиатскими странами. Государство и ислам в регионе составляли единый организм классического образца. Став в 922 году государственной религией Булгарского царства, ислам, как господствующая идеология первого в северо-восточной части Европы раннефеодального государства, пронизывал все сферы материальной и духовной жизни, являлся этноинтегрирующим, социоконсолидирующим, а также этнодифференцирующим элементом общества. Так, религиозная принадлежность в Булгарии, как и в средневековой истории других стран, являлась одновременно и этнической принадлежностью. На эту роль ислама указывает Л.Н. Гумилев. Он считает, что различие между двумя этносами (булгарами и славянами) “... было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим, ибо хозяйственные системы в Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси были очень похожи. Эти отличия были религиозными”.² В Казанском ханстве функции государства и ислама постепенно дифференцируются. Однако, как идеология феодального государства, ислам еще господствует над всеми сферами общественной жизни (социально-экономической, правовой, политической, нравственно-этической, духовной и т.п.).

Второй этап начинается с завоевания Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств. Он характеризуется принципиально другими характеристиками взаимоотношений между государством и исламом.

Корни завоевательных замыслов Московского государства против Казани таились, кроме стремления помещиков завладеть новыми землями и желания купцов захватить торговый

путь из России на Восток, отчасти и в религиозном фанатизме православного духовенства.

Во второй половине XVI века фактически все Поволжье и Приуралье оказалось под властью русских царей. Для Ивана Грозного силовое решение религиозного вопроса представлялось вполне реальным, хотя не исключались вначале и мирные методы, которые, однако, не принесли желаемых результатов.

С воцарением династии Романовых попыткам искоренения ислама и распространения православия на этих территориях была придана приоритетная роль, оформленная законодательно Соборным Уложением 1649 года.

Среди причин, вынудивших правительство пойти на создание органа по управлению мусульманами, можно выделить: неудачи в политике насильственной христианизации мусульман, потребность включения новых земель в общероссийский хозяйственный оборот, конфликты с Турцией, апеллирующей в своей борьбе к российским мусульманам, активное участие отдельных народов Поволжья в восстаниях и особую роль в них мулл и т.д.

Обнародованный в 1773 году указ Екатерины II «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским правительствам», окончательно снявший запрет на строительство мечетей, можно считать отправной точкой нового этапа в истории государственно-исламских отношений в России.

Одним из первых шагов стало строительство властью мечетей вдоль пограничных линий, которые, по замыслу Екатерины II, «привлекают и прочих вблизи кочующих и обитающих к границам нашим; сие и может послужить современным способом к воздержанию их от своевольтв лучше всяких мер».³ По мере распространения государственной власти на территории, населенные нехристианами, потребность в налаживании контактов с местной духовной властью все более обострялась.

Муллы, доказавшие во время Крестьянской войны 1773-1775 годов свою лояльность к власти, приобрели важное значение для нее, как люди, знающие язык иноверцев, их быт, традиции, исповедующие ту же религию. Для централизованного управления их деятельностью и дальнейшего использования официальных исламских институтов в проведении государственной политики среди мусульманского населения как внутри России, так и за ее пределами, пра-

вительство Екатерины II своим указом в 1782 году учредило в Уфе муфтиат, а в 1788 году – Оренбургское Магометанское Духовное Собрание (ОМДС), переведенное, спустя три года после образования, в Уфу.

Юрисдикция Духовного Собрания распространялась на всю территорию Российской империи за исключением Таврической губернии (Крым). Создание же Таврического Духовного Управления для крымских татар, намеченное на 1794 год, было учреждено лишь 23 декабря 1831 года указом императора Николая I. Мусульмане, проживавшие на территориях, присоединенных к Российской империи позже (прежде всего Средней Азии) подчинялись непосредственно Министерству внутренних дел и управлялись посредством местной гражданской власти. Видимо, унифицированные принципы управления мусульманами Европейской части России не подходили для новых подданных императора.

С созданием Оренбургского Магометанского Духовного Собрания формируется сложная сеть исламских организаций со строгой централизацией и иерархичностью правления. На протяжении почти столетия после этого оформлялись принципы взаимоотношений нового органа с уже существующими. Рассмотрим функции и структуру Духовного Собрания.

Управление мусульман представляло собой трехступенчатую централизованную церковную организацию, состоящую из высшего, среднего и низшего правлений.

Муфтий (от араб. – высказывающий мнение), глава мусульманского духовенства данного региона, высшее духовное лицо, председатель Духовного правления, главный судья и эксперт, выносящий решения, дающий разъяснения по вопросам применения законов шариата. Свои толкования и решения он высказывает в так называемой фетве, которая рассматривается как решение муфтиата и подписывается всеми его членами. Муфтий назначался «к должности по представлению министра внутренних дел, Высочайшей властью». Члены Духовного Собрания назначались министром внутренних дел по представлению Председательствующего муфтия.

Среднее духовное правление – мухтасибат – создавалось в каждой мусульманской общине, насчитывавшей от 50 до 150 мусульман, состояло из 2-5 членов, возглавлялось председателем – мухтасибом (от араб. «учетчик, «контролер»), также назначавшимся правительством. Связь между мухтасибатом и общиной мусульман осуществлялась муллой, назначаемым после прохождения им испытания и утверждаемым царским указом.

Низшее духовное правление – мутаваллиат – состояло из председателя, секретаря, казначея, муллы и муэдзина. В обязанности мутаваллиата входило ведение дел мечети, медресе, наблюдение за исполнением законов шариата.

В вопросе о штатном расписании Оренбургского Магометанского Духовного Собрания существует ряд противоречий между данными архивных источников, законодательных актов и результатами исследований ученых-исламоведов. Так, в различных источниках и официальных документах встречаются цифры от 11 до 30 человек.⁴ Проанализировав архивные материалы и научную литературу, мы приходим к выводу, что наименьшее количество штатных единиц указывалось в том случае, когда вслед за этим шло прошение об увеличении жалования чиновников или содержания канцелярии Духовного Собрания.

Функции и полномочия Духовного Собрания можно разделить на государственные, религиозные и нерелигиозные.

К государственным функциям относятся:

1. Судебная функция:
 - Контроль над соответствием применяемых в отношении мусульман законов нормам шариата;
 - Ведение дел “о преступлениях духовных лиц”, то есть принятие решений “о мере вины их”, если они нарушили свои обязанности, определение “за то взысканий” и передача дел на рассмотрение в светские судебные органы в случае других проступков мулл;
 - Разбор бытовых дел (“о супружеских недовольствах”) – разбор исков по завещаниям и по разделам имущества, “о неповиновении детей родителям, о нарушении супружеской верности”;
2. Распространение распоряжений высших органов власти среди мусульманского населения империи.
3. Взимание с магометан сборов и налогов (семейный сбор, процент с калыма, сборы за записи в метрических книгах и т.д.).
4. Осуществление закрепленной в законодательстве практики назначения мулл на должности.
5. Регистрация брака, развода, умерших и родившихся.
6. Контролирующая функция:
 - Осуществление контроля над деятельностью мухтасибатов;
 - Надзор за выполнением муллами и другими чиновниками Собрания всех уровней своих обязанностей;
 - Контроль за деятельностью мусульманских общественных организаций

К религиозным функциям относятся:

1. Строительство мечетей;
2. Подготовка мулл;
3. Проведение молитв и богослужений.

К нерелигиозным функциям относятся:

1. Оказание благотворительной помощи;
2. Издание периодики и мусульманской литературы;
3. Просветительская функция.

Анализ архивных и законодательных источников позволяет нам сделать вывод о государственной принадлежности нового органа и о статусе членов Духовного Собрания. Все они, от муллы приходов до Председательствующего муфтия, имели X класс по табелю о рангах и являлись государственными чиновниками. Еще одним доказательством государственного статуса членов Духовного Собрания соискатель считает его финансовую деятельность, контролируемую Министерством внутренних дел. Муллы и чиновники канцелярии получали жалование из государственной казны, все повышения жалования были возможны за счет увеличения сборов с мусульман за регистрацию актов гражданского состояния в метрических книгах.⁵ Каждый расход денежных средств (пусть даже самый незначительный) подлежал обязательному отчету и вносился в шнуровую книгу канцелярии Собрания.

Мы уже отмечали, что правительство особое внимание уделяло роли и положению мулл. Муллы занимали особое экономическое и правовое положение, огромное влияние они оказывали на все стороны жизни мусульманского населения. Их положение, роль и влияние определялись двумя существенными обстоятельствами.

Во-первых, мулла – духовное лицо, знаток религии, догматов, законов и обрядов ислама. Во-вторых, мулла был официальным представителем гражданской власти, чиновником, утверждаемым на должность государством. Порядок назначения мулл регламентировался законодательством и представлял собой чисто юридический акт. Каждый пожелавший стать муллой мусульманин должен был “пройти испытание” в муфтиате на знание обрядов и догм ислама. Помимо этого для получения свидетельства о назначении муллой необходимо было получить согласие прихожан соответствующего прихода. Только после этого претендент получал назначение в приход. Свидетельство “на звание” выдавалось в уездном полицейском управлении по факту возвращения свидетельства о явке к исполнению воинской повинности.⁶

Описывая образовательный уровень мусульманского приходского духовенства, известный ученый-исламовед З.А. Ишмухаметов отмечает, что “в своем большинстве муллы были невежественными людьми, так как получали образование в медресе, где кроме Корана, Сунны, религиозных обрядов и нескольких мусульманско-богословских дисциплин почти ничего не изучали”.⁷ Нам представляется несколько странным, что правительство мирилось с таким невежеством мулл, которые обладали статусом государственных служащих и на которых оно возлагало выполнение многих функций. В противоречие с этим утверждениями вступает и Высочайшее повеление, объявленное Министерством внутренних дел “Об установлении по округу Оренбургского Магометанского Духовного Соборания образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания” от 16 июля 1888 года. Согласно повелению с 1 января 1891 года вводились определенные правила относительно образовательного ценза для мулл и других чинов Соборания. Так, “заседателями сего Соборания” могли быть “лишь лица, выдержавшие испытания в объеме курса 4-х первых классов Гимназии, уездного и городского училища, татарской учительской школы или, по крайней мере, начального народного училища Министерства Народного просвещения”. А “при определении высшего приходского духовенства (ахундов, хатыпов), ... требовать от них свидетельств о выдержании ими испытания по программе курса одноклассного начального народного училища”.⁸

Объяснить подобное противоречие можно, на наш взгляд, тем, что традиционно в Российской империи наличие закона отнюдь не гарантировало его исполнения на местах.

После назначения на место муллы приступает к своим прямым обязанностям, и от того, как он будет их исполнять, зависело его положение в приходе, как моральное, так и материальное. Кроме повседневных обязанностей (ежедневные, коллективные молитвы, посещение мечети и др.), были и дополнительные, такие как проведение имянаречения, свадеб, похорон или обучение детей начальной грамоте. Читая молитву над новорожденным, мулла вводил его в общину мусульман. Это была одна из самых важных обязанностей мулл, одно из проявлений интегративной функции ислама как религиозной системы. Ритуал наречения имени имел большое значение, прежде, всего для всех прихожан, так как фиксировал факт притока нового члена общины, подчеркивал идею объединения мусульман на основе общности религии.

Зная о таком сильном влиянии мусульманского духовенства на свою паству, русское правительство пыталось воздействовать через него на мусульманское население страны. Так, Сборник законов царского правительства по делам вероисповеданий (т. II, ч. I) содержит специальный раздел об обязанностях мулл. Пункты 41 и 42 этого раздела вменяют в обязанность мулл наряду с исполнением религиозных треб воспитывать своих единоверцев в духе покорности Его Величеству императору, его законам и правительству, а также немедленно доносить полиции о возникновении запрещенных сект и распространении мятежных слухов.

Развитие законодательной базы, регулирующей деятельность Духовного Соборания и религиозную повседневную жизнь каждого мусульманина в отдельности, можно проследить, сравнив два основополагающих документа. Это Проект положения о компетенции Духовного Магометанского Соборания от 5 декабря 1789 года и Устав иностранных исповеданий от 1912 года. Анализ этих документов наглядно показывает, какой путь прошел ислам в своем развитии. Принципиальных отличий в них нет. Однако существенную разницу составляет содержание. Если Положение 1789 года дает лишь приблизительные и поверхностные рекомендации о задачах мулл и чиновников Соборания, то второй документ отличается четким разделением всех функций и наличием отработанных более чем за столетие механизмов разрешения тех или иных вопросов. Изменившийся статус ислама повлек за собой потребность государства в выработке подробной “инструкции” относительно деятельности Духовного Соборания по управлению мусульманами.

Судить об итогах деятельности Оренбургского Магометанского Духовного Соборания мы, к сожалению, можем лишь по данным отчета Соборания, посвященного столетнему юбилею этого органа. Итак, в 1889 году на территории, находившейся в его ведении, на 4222 общины с населением 3,5 миллиона человек имелось 7203 духовных чина, в том числе 60 ахундов, 2734 имама-хатыпа, 2621 имам-мударрис (имам мечети, имеющий право преподавать в религиозной школе) и 1873 муэдзина.⁹ К сожалению, этот источник не сообщает нам о количестве мечетей. Однако, зная о правилах построения мечетей (одна мечеть на 200-300 душ мужского пола), мы можем приблизительно предположить их количество. Исходя из общего числа магометан, указанного в отчете, – 3,5 миллиона человек и, предполагая, что примерно половина из них –

женщины, можно приблизительно вычислить, что в 1889 году на территории Российской империи насчитывалось примерно 5833 мечети. Для сравнения: в 1742 году существовало лишь 118 мечетей, в 1833 году их стало 4785, а в 1845 году – 6763.¹⁰ Первое место по числу мечетей и мулл занимала Казанская губерния. По данным Духовного Собрания, в 1889 году здесь было 845 приходов, а в 1917 году на территории губернии существовало 1152 мечети, в которых работало 2648 мулл.¹¹

Анализируя деятельность Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, можно сделать вывод о том, что строгая регламентация всех сторон жизни мусульман не способствовала их развитию и обновлению общества. Жесткое подчинение порождало атрофию инициативы мусульман, подчинение всем распоряжениям власти, лишало их возможности сформировать зачатки гражданского общества.

Однако зависимость высшего мусульманского духовенства от государственных институтов власти в ряде случаев носила просветительский характер и приносила пользу мусульманам. Так, в 1833 году, когда жители 5-го башкирского кантона подали прошение Николаю I, где одним из пунктов значилась просьба, аргументированная религиозными мотивами, не посылать молодых башкир для учебы медицине в Казанский университет, Оренбургское Духовное Собрание развернуло мощную пропагандистскую кампанию по убеждению мусульман в необходимости получения знаний. Председательствующий муфтий Габдрахимов разослал по всем башкирским селениям фетву, в которой утверждал, что “наука врачевания законом допущена и есть благороднейшая наука..., потому что предмет ее есть человеческое тело, которое по природе для нас важ-

но, ибо в целостности и сохранности его мы больше всего испытываем нужду”.¹²

В результате деятельности Духовного Собрания российские мусульмане получили возможность культурного развития. С одобрения Духовного Собрания открывались русско-татарские школы, которые приобщали местное население к русской культуре и способствовали, тем самым, дальнейшей интеграции двух этносов. Так как молодая мусульманская буржуазия нуждалась в высокообразованных специалистах, в религиозных школах начинают преподаваться светские предметы, открываются высшие учебные заведения. В результате среди выпускников медресе “Галия” (г. Уфа), “Хусаиния” (г. Оренбург) было больше ученых, писателей журналистов, общественных деятелей, чем служителей ислама.

Одним из главных положительных результатов существования и деятельности Оренбургского Магометанского Духовного Собрания является, на наш взгляд, то, что под его руководством мусульмане Российской империи смогли сохранить себя как этнос, сформировать свою, мусульманскую интеллигенцию, занять достойное место в российском социуме. Собрание явилось как бы буфером между “терпимой” властью религией и самой властью, стремящейся сохранить баланс в соотношении вероисповеданий.

За 128 лет своего существования Духовное Собрание способствовало выработке законодательства, регулирующего жизнь мусульман в Российской империи и дающего гарантии от произвола в религиозной политике.

Конец деятельности Оренбургского Магометанского Духовного Собрания положила Октябрьская революция, в корне изменившая отношение государства, как к исламу, так и к другим религиям.

Список использованных источников

- 1 Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения: историко-философский и социологический анализ (на материалах Башкирии и Татарии): Дис. На соиск. учен. степени канд. филос. наук. – М., 1993, С. 35.
- 2 Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М., 1992., С.54.
- 3 Цит. по: Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и “общее мнение” России Александровской эпохи. – Казань, 1997, С 38.
- 4 Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). - Казань, 1979, С. 35; ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. № 114, л. 87-96; ГАОО, ф.11, оп. 2, дело № 3179, л. 42; ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 11, д. № 703; ЦГИА РБ, ф. И-295, оп.3, д. №1, л. 43-58.
- 5 ГАОО, ф. 11, оп. 2, д. № 179, л. 64-67.
- 6 ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 11, д. № 703
- 7 Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). - Казань, 1979, С. 37
- 8 Полное Собрание Законов Российской Империи. – Собр. 3-е. – Т. VIII. - № 5419. – СПб., 1890, С. 444.
- 9 Столетие Магометанского Оренбургского духовного собрания. - Уфа, 1889, С25.
- 10 Малов Е. О магометанских мечетях в России. - Казань, 1868, С. 69.
- 11 Ишмухаметов З.А., указ. соч., С. 36.
- 12 ЦГИА РБ, ф.2, оп. 1, д.№ 3581, л. 89; цит. по: Фаизов Г.Б., указ. соч., С. 74